

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭТНИЧЕСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО ДИСКУРСОВ

*Демичев И.В., кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Центр социокультурного анализа,
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан*

Аннотация: в статье рассматривается принципиальная структура и факторы динамики региональной идентичности, как элемента системы идентичностей территориального сообщества. Анализируется особенность этой системы в случае полиэтничного региона. Этнические сообщества, в зависимости от отношения к региону, разделяются на мигрантские диаспоры, диаспоры, укорененные диаспоры и коренные этнические сообщества, а также прослеживаются различия их участия в социокультурной динамике и системе идентичностей. На основании этого формулируются противоречия между этническими и региональным сообществом, представленным администрацией и крупнейшими субъектами. Эти противоречия концептуализируются, как противоречие между гражданской и этнической идентичностью, снятие которого видится в инкорпорации базовых гражданских ценностей в этнические идентичности и переориентации последних с «образов прошлого» на «образы будущего».

Ключевые слова: идентичность, социокультурная динамика, территориальное сообщество, регион, этническое сообщество, этническая идентичность, дискурс

Региональная идентичность, вне зависимости от своего содержания и оценок, выполняет две важные функции – фундирует привязанные к территории и ее субъектам бренды, внешние и внутренние, а также образует ценностное отношение к ней населения. Она по определению отталкивается от специфики самого региона, основных его субъектов и отношений между ними, фиксируя общий характер состояния территориального сообщества. Следует понимать, что идентичность самого региона – элемент в сложной системе идентичностей подгрупп территориального сообщества, который в некотором роде согласует их между собой, являясь, таким образом, определенной точкой фокуса или суперпозицией установок. Поэтому по степени рефлексивности, статусу и содержанию этой идентичности можно судить о регионе и его динамике. Слабая, невыраженная, конфликтная идентичность будет означать и слабую солидарность регионального сообщества, и наоборот. Поскольку система идентичностей региона в каком-то смысле замкнута – ее элементы представляют собой функции и позиции сообществ региона, количество которых конечно в каждый момент времени – относительная мощность этой системы также определена, а значит, усиление одной идентичности у сообществ-элементов означает ослабление остальных. Иными словами, относительная мощь региональной идентичности обратно пропорциональна относительной мощи остальных: чем сильнее региональная, чем более она доминирует, тем слабее выражены остальные, и наоборот. Разумеется, это не означает, что сами идентичности могут быть утрачены вследствие усиления других – пока остается обозначаемое сообщество, остается и его идентичность. Доминирующая региональная идентичность не упраздняет, например, профессиональные, локальные, досуговые и т.п., у которых есть собственные основы существования. Она лишь значительно модифицирует их, жестко привязывая к собственной специфике. Не просто инженер, но инженер этого региона; не просто реконструктор, но реконструктор из этого региона – придаваемая за счет этого особенность маркирует общее отношение и характер соответствующего сообщества в контактах между собой и с внешними аналогичными сообществами. И наоборот, слабая региональная идентичность означает, что сообщества на его территории воспринимают себя, прежде всего, как представителей более обширной общности – профессиональной, этнической, какой-либо еще – которые лишь проживают здесь и сейчас. При этом понятно, что в их идентичности в любом случае присутствуют компоненты специфики региона, обусловленные особенностями конкретной жизни и деятельности – но имеют менее значимый, второстепенный характер.

В случае с относительно однородными регионами это распределение колеблется между невыраженной региональной идентичностью, которая образуется конкретной спецификой базовой общественной инфраструктурой, характера труда и досуга и т.п. факторов, формирующих конкретные же территориальные сообщества, с одной стороны, и субэтническими или субнациональными вариациями ее, если эта конкретная специфика оказывается достаточно значительной, чтобы заметно менять массовое поведение жителей, что становится основанием для складывания соответствующих маркеров – с другой. В случае с полиэтничными регионами ситуация существенно изменяется, по-

сколькo в системе отношений наличествуют элементы, которые по своим характеристикам и установкам, зафиксированным в идентичностях, оппонируют или отличаются от других не функционально, но фундаментально. Нормальный регион представляет собой инвариант общей системы, относительно которой жители и сообщества, по определению, «свои»; полиэтничный регион обладает в своем составе сообщества, которые, по крайней мере, потенциально, могут быть «другими» относительно остальной общности – и в любом случае, обладают альтернативным набором установок. Конечно, в общем случае стабильной социокультурной системы, этнические идентичности уже инкорпорированы в общую систему страны, согласованы с ее принципами и представляют собой ее вариант, однако даже в таком состоянии они по уровню являются не столько элементом общей системы, сколько сопоставимым, хотя и менее существенным компонентом. В то же время, понятно, что члены этнических сообществ, опять же, в общем случае, в условиях отсутствия дискриминации по этим признакам, включены в нормальные общественные отношения, являются пользователями общественной инфраструктуры, входят в общие трудовые коллективы и досуговые субкультуры, являются полноправными участниками политического процесса и т.п. Иными словами, они в общем отношении не отличаются от остальных жителей региона, хотя и образуют некоторые специфические сообщества или обладают некоторыми специфическими особенностями поведения, что и образует конкретное содержание маркеров их идентичности. Можно классифицировать этническое сообщество в отношении региона на четыре группы по степени его присутствия на территории: а) сообщество с временным и непостоянным присутствием его представителей на территории – как правило, это диаспоры мигрантов различного характера; б) сообщество с малым устойчивым составом, ориентированное на внешний относительно региона центр своего существования и развития – собственно, полноценная диаспора; в) сообщество с крупным устойчивым составом, ориентированное на данный регион – оно уже не может считаться диаспорой, поскольку в определенной мере укоренилось и воспринимает регион, как свой, а себя – как, по меньшей мере, особую часть этноса; г) сообщество, для которого регион является центром существования и развития – это «коренной народ» региона, как правило, «титальный» в национальных республиках России.

В зависимости от типа, базовое отношение этнического сообщества к региону будет очевидным образом отличаться. Для мигрантских диаспор ре-

гион по определению будет внешним, их идентичность в наименьшей степени испытывает на себе его влияние, поскольку он выступает территорией временного и функционального пребывания. Исключением будет, своего рода, устойчивая маятниковая миграция между регионом и общностью-донором, за счет длительных, хотя и прерывающихся контактов. Для диаспор, являющихся представителями базовой этнической общности, в той или иной степени выражающей интересы последних, интересы сообществ региона и регион в целом выступает, по меньшей мере, средой обеспечения «своих» интересов, а потому региональные компоненты так или иначе включаются в базовую идентичность сообщества – тем больше, чем длительнее существует такая диаспора на территории. Укорененные в регионе этнические сообщества, очевидно, в значительной степени включают в свою идентичность региональную специфику – опять же, тем больше, чем более они альтернативны «родной» для себя общности. Именно мера такой инкорпорации и выступает мерой самостоятельности, вплоть до образования субэтнической общности, например. Наконец, в случае региона, как центра этнического сообщества, его идентичность выступает атрибутом и жестко вплетена в собственные этнические идентичности, выступая и маркером, и одним из базовых элементов.

Очевидно, что, за исключением мигрантских диаспор, остальные варианты представляют собой степени инкорпорации этнического сообщества в региональное, т.е. являются динамической характеристикой состояния. Изменение этого состояния определяется как формальными, так и неформальными причинами. К первым относятся административно-правовые режимы, действующие на территории, облегчающие или, наоборот, усложняющие натурализацию – например, действуют ли меры по привлечению инвестиций, преференции для ведения бизнеса, получению образования, трудоустройства и т.д. Это меры управления общественной инфраструктурой, которые повышают относительную ценность региона для различных, прежде всего, профессиональных сообществ, в которые входят, в том числе, члены этнических сообществ. Ко вторым относятся культурно-политические режимы территории, касающиеся региональной идеологии и идентичности, в своем содержании, опять же, облегчающие или усложняющие такую инкорпорацию. Здесь следует отметить два принципиально важных аспекта региональной идентичности, от которых зависит, с одной стороны, потенциал инкорпорации, а с другой – склонность к ней, как со стороны регионального сообщества, так и со стороны сообщества этнического. Культурно-политические установки, реали-

зующиеся на территории, обязательно обладают определенным ценностным каркасом – и в этом смысле, они выступают формой выражения региональной идентичностью, комплексом ее практических маркеров. Соответственно, чем больше и фундаментальнее совпадение между ценностями региона и этнического сообщества и меньше противоречий, тем легче инкорпорация. Однако эти отношения асимметричны, и выбор акцента в культурно-политическом режиме определяет получаемый эффект. Ставка на снятие противоречий означает большую лабильность ценностных установок, их функциональную и практическую ориентацию. С одной стороны, это расширяет возможности для инкорпорации этнических сообществ, количественно (поскольку ценностная нейтральность позволяет сообществам оставаться собой), прежде всего. С другой стороны, такой акцент значительно понижает собственную региональную идентичность до образа «общего места», закрепляя идентичности сообществ региона, в качестве базовых: регион становится территорией, на которой сообщества взаимодействуют и преследуют собственные интересы. Ставка на совпадение ценностей означает, что регион выдвигает собственные ценностные установки, в качестве базовых и обязательных для сообществ, принимая в свой состав только те из них, кто им соответствует, и исключая остальные. С одной стороны, такой подход резко снижает количество способных к инкорпорации сообществ – однако с другой стороны, повышает качество, глубину инкорпорации, а также резко поднимает роль и значимость региона, как носителя, выразителя и гаранта общих ценностей. Сообщества региона в этом смысле становятся уже не отдельными субъектами, диалогично и конкурентно относящимися друг к другу, но солидарными компонентами единой системы; их идентичности не только связываются между собой региональной, но в определенной мере обретают хотя бы базовое единство по установкам, маркерам и ценностям. Разумеется, и тот и другой варианты – крайние, и на практике неизбежно существует некоторая вариация их: ценностный каркас присутствует, но он оказывается, во-первых, достаточно широким, а во-вторых, инвариантом общей культурно-политической ситуации в стране в целом.

В связи с этим, можно выделить ряд потенциальных основных противоречий между региональной и этнической идентичностями, которые способны оказать влияние на общую динамику инкорпорации сообществ. По понятным причинам, будут рассматриваться укорененные этнические сообщества третьего и четвертого типа: мигрантские диаспоры, даже и длительно взаимодейст-

вующие с регионом, как правило, связаны с конкретными субъектами последнего и функциональны, не участвуя за пределами этого в общественной жизни территории. Внешние диаспоры второго типа также реализуют собственные интересы в сотрудничестве с субъектами и играют представительскую роль, являясь в рассматриваемом отношении, в лучшем случае, каналами внешней трансляции региональной идентичности, хотя и могут выступать факторами внутренней динамики, если обладают достаточной мощностью влияния. В свою очередь, регион представлен региональной администрацией и другими крупнейшими субъектами, контролирующими основные процессы и взаимодействующими с внешними контрагентами, что формирует основное влияние их на внутрирегиональную социокультурную динамику и идентичности. В силу этого, и администрация, и крупнейшие субъекты погружены в более широкие процессы, являясь их трансляторами на региональный уровень, и в то же время, они обладают своей мощностью и влиянием на общегосударственном уровне постольку, поскольку контролируют регион и сообщества последнего достаточно солидарны с ними. Этим образуется первое противоречие – между базовой повесткой практики крупнейших региональных субъектов и базовой повесткой этнических сообществ. Если по условиям момента, администрации и субъекты погружены процессы управления общественной инфраструктурой, обладающие определенным практическим и модернизационным характером, оперируя в поле образов настоящего и потенциального будущего, то этнические идентичности в значительной мере складываются на основе того или иного реконструируемого «образа прошлого», отталкиваясь от которого формулируют не только комплекс текущих интересов и ценностей, но и маркирующие принадлежность к сообществу стереотипы поведения, типы личности и т.п. Это противоречие не просто образует внешний для региональных субъектов этнический дискурс, которому отводится формальная, атрибутивная ниша, но и в значительной степени формирует напряженность внутри самих этнических сообществ, когда их представители оказываются в вилке – либо разделять этническую идентичность и соответствовать образам прошлого, либо соответствовать современности и будущему – и отказываться от этнической идентичности. Следующее противоречие также вытекает из управления общественной инфраструктурой: региональные субъекты заинтересованы в базовой стабильности регионального сообщества; этнические сообщества, по крайней мере, в лице своих общественных организаций, функционирующих в логике гражданского обще-

ства, ориентированы на привлечение внимания к проблемам и формирование общественно-политического резонанса, постоянно генерируют те или иные конфликтные ситуации – для предотвращения и купирования которых субъекты либо добиваются административного или иного контроля над ними, либо вынуждены подавлять их. В первом случае публичные объединения в определенной степени отрываются от своего базового сообщества, во втором – солидарность сообщества сохраняется, но идентичность смещается в конфликтную зону, усиливая негативные следствия первого противоречия. Третье противоречие образуется в отношении этнических сообществ четвертого типа, для которых регион является центром жизни и развития. Поскольку их идентичность оказывается достаточно жестко завязана на образ региона, неизбежно возникает отождествление регионального и этнического сообщества, когда интересы и потребности последнего приписываются первому. В этом случае, во-первых, складывается более или менее выраженный дискурс исключения из культурно-политической сферы сообществ, не относящихся к «титальному», в силу чего идентичности последних либо отстраняются от региональной, ориентируясь на внерегиональные центры, понижая общую инкорпорацию, либо, сохраняя региональную идентичность, оказываются в противостоянии с идентичностью «титально-го» этнического сообщества, образуя постоянную

конфликтность. Во-вторых, подобное восприятие региона смещает критерии оценки эффективности регионального управления, субъектов и общего состояния для его носителей. Поскольку региональные субъекты и администрация в своей практике исходят из других критериев, возникает столь же постоянная конфликтность между ними и «титальным» этническим сообществом, в случае, если оно не входит в региональную элиту, или между регионом и страной, если носители таких представлений оказываются властным субъектом региона.

В целом, эти противоречия можно обозначить, как противоречия между гражданской, ориентированной на базовые статусы, инфраструктуры и процессы, и этнической, ориентированной на собственные ценности и установки, идентичностями. Преодолением этого противоречия выступает, с одной стороны, фиксация базовых гражданских принципов в этнических средах, вписывание их в соответствующие ценностные и образные ряды, а с другой – реконструкция самих этнических идентичностей, перенос их акцента с «образа прошлого» на «образ настоящего и будущего». Разумеется, это – стратегическая задача, включающая в себя и масштабную работу региональных субъектов, и самих этнических сообществ, которой должна образовываться внутрирегиональная культурная политика.

Литература

1. Воробьев В.П., Голубовская О.Л., Еремина Е.В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // *Власть*. 2014. № 11. С. 122 – 127.
2. Корепанов Г.С. Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2009. №4. С. 56 – 65.
3. Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки*. 2017. Т. 12. № 3 (167). С. 182-189.
4. Шушарина Г.А. Региональный имидж как способ формирования региональной идентичности // *Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции*. 2017. С. 19 – 24.
5. Кривец А.П., Пугач В.С. Региональное солидарное общество как основа формирования региональной идентичности // *Культура. Политика. Понимание (Культура, нация, государство – проблемы идентичности в контексте современной политики): Материалы VI Международной научной конференции*. 2018. С. 180 – 189.
6. Волкова А.Е., Игошина А.О. Региональная культура и региональная идентичность // *Социально-культурное и политико-экономическое развитие территорий РФ: сборник статей III Международной научно-практической конференции / Под ред. Э.В. Алёхина*. 2015. С. 55 – 58.
7. Сургуладзе В.Ш. Мобилизационный потенциал региональной идентичности: вынужденный сепаратизм и закономерности его развития // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018. Т. 8. №2 (32). С. 80 – 85.
8. Уианова И.А. Репрезентация национальной идентичности в региональном онлайн-дискурсе // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе Межвузовский сборник научных трудов / Ответственный редактор А.Г. Пастухов*. 2010. С. 145 – 152.
9. Дроздова Ю.А. Региональная идентичность как ресурс адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2017. №2 (2). С. 81 – 88.

10. Кацук О.А., Рябых В.Н. Формирование идентичности региона инструментами регионального управления//Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. №6. С. 119 – 124.
11. Шушарина Г.А. Ценностные номинации региональной идентичности//Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. №7. С. 179 – 184.
12. Черникова В.В. Региональная идентичность как политический ресурс // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Российский университет дружбы народов / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. 2017. С. 401 – 403.
13. Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. 2017. №15. С. 259 – 272.

References

1. Vorob'ev V.P., Golubovskaya O.L., Eremina E.V. Rol' regional'nyh brendov v formirovanii regional'noj identichnosti i imidzha territorii// Vlast'. 2014. № 11. S. 122 – 127.
2. Korepanov G.S. Regional'naya identichnost' v diskurse sociologii regional'nogo razvitiya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2009. №4. S. 56 – 65.
3. Golovneva E.V. Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki. 2017. T. 12. № 3 (167). S. 182-189.
4. SHusharina G.A. Regional'nyj imidzh kak sposob formirovaniya regional'noj identichnosti // Ustojchivoe razvitie regionov Rossii: ot strategii k taktike: sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. S. 19 – 24.
5. Krivec A.P., Pugach V.S. Regional'noe solidarnoe obshchestvo kak osnova formirovaniya regional'noj identichnosti // Kul'tura. Politika. Ponimanie (Kul'tura, naciya, gosudarstvo – problemy identichnosti v kontekste sovremennoj politiki): Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2018. S. 180 – 189.
6. Volkova A.E., Igoshina A.O. Regional'naya kul'tura i regional'naya identichnost' // Social'no-kul'turnoe i politiko-ekonomicheskoe razvitie territorij RF: sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod red. E.V. Alyohina. 2015. S. 55 – 58.
7. Surguladze V.SH. Mobilizacionnyj potencial regional'noj identichnosti: vyzhdennyj separatizm i zakonomernosti ego razvitiya // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2018. T. 8. №2 (32). S. 80 – 85.
8. Ushanova I.A. Reprezentaciya nacional'noj identichnosti v regional'nom onlajn-diskurse // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / Otvetstvennyj redaktor A.G. Pastuhov. 2010. S. 145 – 152.
9. Drozdova YU.A. Regional'naya identichnost' kak resurs adaptacii i integracii migrantov v polietnichnom regione // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN. 2017. №2 (2). S. 81 – 88.
10. Kacuk O.A., Ryabyh V.N. Formirovanie identichnosti regiona instrumentami regional'nogo upravleniya//Social'no-ekonomicheskije yavleniya i processy. 2017. T. 12. №6. S. 119 – 124.
11. SHusharina G.A. Cennostnye nominacii regional'noj identichnosti//Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. №7. S. 179 – 184.
12. CHernikova V.V. Regional'naya identichnost' kak politicheskij resurs // Vremya bol'shijh peremen: politika i politiki: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN. Rossijskij universitet druzhby narodov / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoj, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoj. 2017. S. 401 – 403.
13. Arutyunova E.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti molodezhi: obshcherossijskij kontekst i regional'naya specifik // Rossiya reformiruyushchayasya. 2017. №15. S. 259 – 272.

REGIONAL IDENTITY: CONTRADICTIONS OF ETHNIC AND CIVIL DISCOURSES

*Demichev I.V., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Center for Social and Cultural Analysis,
Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan*

Abstract: the article considers the principal structure and dynamics factors of regional identity as an element of the identity system of the territorial community. The peculiarity of this system in the case of polyethnic region is analyzed. Ethnic communities, depending on the attitude to the region, are divided into emigrant diasporas, diasporas, rooted diasporas and indigenous ethnic communities, as well as differences in their participation in the socio-cultural dynamics and identity system. On the basis of this, contradictions are formulated between the ethnic and regional communities represented by the administration and the major actors. These contradictions are conceptualized as a contradiction between civil and ethnic identity, the removal of which is seen in the incorporation of basic civic values into ethnic identities and the reorientation of the latter from "images of the past" to "images of the future".

Keywords: identity, socio-cultural dynamics, territorial community, region, ethnic community, ethnic identity, discourse